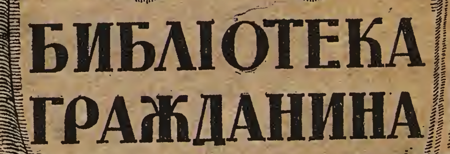
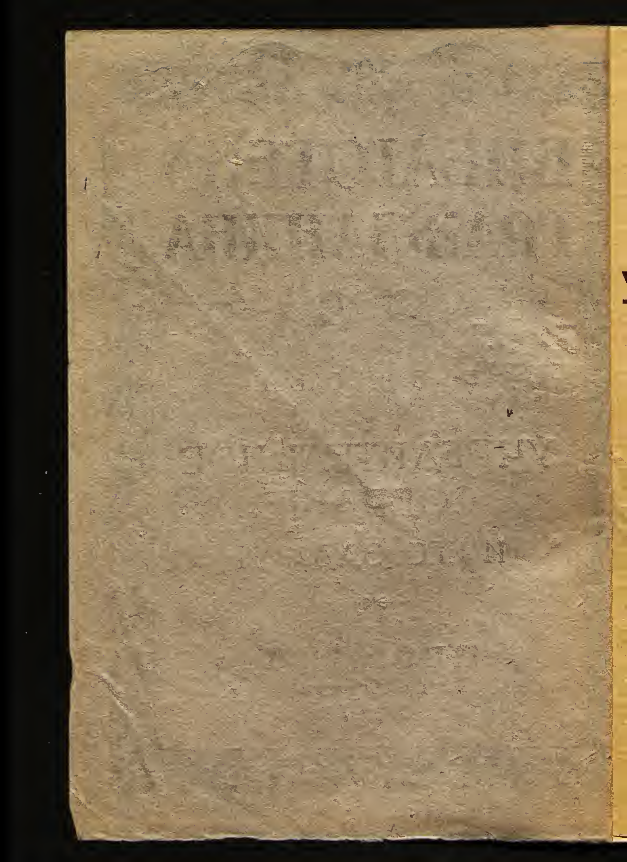

Бар. Б. Э. НОЛЬДЕ

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ И ЕГО ЗАДАЧИ

К-ВО „ОГНИ"
ПЕТРОГРАДЪ
1917

Бар. Б. Э. НОЛЬДЕ

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ И ЕГО ЗАДАЧИ

ПЕТРОГРАДЪ
1917

Товарищество Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ.
Петроградъ, Звенигородская, 11.

Учредительное Собраніе и его задачи.

Рѣчь въ собраніи гражданъ г. Ранненбурга, Рязанской губ. 14 августа 1917 г.

Позвольте начать мое сообщеніе выраженіемъ глубокой благодарности устроителямъ настоящаго собранія, давшимъ мнѣ большое счастье выступить въ предѣлахъ родной губерніи съ изложеніемъ моихъ политическихъ взлядовъ. Раздѣлите ли вы эти взгляды или нѣтъ, пойдемъ ли мы всѣ къ однѣмъ или къ разнымъ урнамъ въ день того великаго испытанія всенародной мудрости и всенароднаго патріотизма, которымъ будетъ день выборовъ въ Учредительное Собраніе, но всѣ мы безъ различія партій должны, мнѣ думается, одинаково цѣнить, данную намъ государственнымъ переворотомъ, возможность свободно и повсемѣстно обсуждать судьбы нашей родины. Какое бы изъ разныхъ пониманій общаго блага России и опредѣляемыхъ этимъ общимъ ея благомъ задачъ ближайшаго и болѣе отдаленнаго нашего государственнаго и общественнаго творчества ни восторжествовало, мы всѣ, прежде всего, должны хранить завоеванную народомъ возможность объ этомъ народномъ благѣ говорить и учиться

ему служить. Старая цензовая монархія оставляла подъ спудомъ источникъ всенароднаго государственнаго строительства, и дряхлѣвшій политическій организмъ не питался притокомъ истинной жизненной силы. Я не буду отрицать суровыхъ бѣдствій настоящей минуты; я раздѣляю тревогу за будущее страны; но въ этомъ пессимизмѣ и въ этой тревогѣ я все же остаюсь на почвѣ созданнаго революціей новаго всероссійскаго порядка, ибо я не могу отказаться отъ того огромнаго, неисчерпаемаго источника новыхъ силъ, которымъ доступъ къ государственной работѣ открытъ переворотомъ. Время отъ времени вздыхаютъ о Мининѣ и Пожарскомъ, ищутъ Наполеона; можетъ быть, многіе скромно удовольствовались бы даже маленькимъ Наполеономъ III. Я думаю, что единственный возможный спаситель Россіи есть 165-милліонный русскій народъ, и, разрѣшите прибавить, въ будущемъ спасеніи Россіи этимъ единственнымъ его спасителемъ не будетъ никакого чуда. Трудно думать, чтобы въ конечномъ счетѣ, послѣ тѣхъ или иныхъ, неизбѣжныхъ неудачъ и шатаній, великій народъ не нашелъ пути обезпечить свое собственное счастье и доказать свое собственное право на существованіе, рядомъ съ другими великими и малыми народами. Весь вопросъ въ томъ, какъ уменьшить на этомъ пути къ спасенію количество тяжелыхъ неудачъ и безплодныхъ или прямо вредныхъ шатаній. Я готовъ сказать, что спасеніе Россіи предопредѣлено и дано, если только мы останемся на почвѣ госу-

дарственнаго переворота, на почвѣ русской демократической программы, общей для насъ всѣхъ; но мой фатализмъ не идетъ такъ далеко, чтобы считать данными и предопредѣленными всѣ вѣроятныя въ будущемъ неудачи и шатанія. Ихъ будетъ отпущена намъ порція, размѣры которой зависятъ отъ насъ самихъ. Работа, которая намъ предстоитъ, заключается именно въ томъ, чтобы искать возможно прямыхъ путей, ведущихъ къ конечному торжеству на Руси правового порядка и соціальной справедливости, чтобы не дѣлать напрасныхъ,—осужденныхъ заранѣе на гибель,—опытовъ, чтобы не уходило время и силы на пустую борьбу съ нами самими построенными миражами и тѣнями, чтобы наша политика была трезва и реальна, чтобы мы строили, а не разрушали, чтобы мы больше любили общую родину и меньше ненавидѣли другъ друга.

Политическая и соціальная борьба не только неизбѣжна, но она есть величайшее и цѣннѣйшее завоеваніе свободнаго государства, ибо только въ ней будущій спаситель Россіи, русскій народъ, найдетъ свою дорогу. Но эта борьба цѣнна не сама по себѣ, а только постольку, поскольку служитъ средствомъ исканія государственнаго блага; поэтому въ эту борьбу надо вносить добросовѣстность, патріотизмъ, полезное взаимное довѣріе и, главное, здравый смыслъ—ибо безъ нихъ борьба выродится въ междуусобіе. Я сказалъ, что, главное, надо беречь здравый смыслъ; если отъ чего мы можемъ дѣйствительно погиб-

нуть, такъ это отъ нехватокъ этого здраваго смысла, отъ неумѣнія сдѣлать правильный расчетъ, способный, кромѣ сегодняшняго дня, обнять и день завтрашній. Тамъ, гдѣ этотъ здравый смыслъ спитъ, затуманенный предразсудками, слѣпою ненавистью, невѣжествомъ, надо его будить. Но я хорошо знаю деревенскую Россію по нашей губерніи; я давно наблюдаю ростъ свѣта и культуры въ мѣстной жизни, ея все болѣе и болѣе тѣсное пріобщеніе къ всероссійской жизни; а это, вмѣстѣ съ природнымъ умомъ и дарованіемъ, которыхъ у русскихъ людей не занимать стать, даетъ вѣру въ конечное торжество здраваго смысла.

Предстоящіе выборы въ Учредительное Собраніе будутъ главнымъ испытаніемъ разуму и смыслу русскаго народа. Давно уже и сотни разъ было сказано, что отъ Учредительнаго Собранія будетъ зависить будущая судьба Россіи. Не будемъ напрасно преувеличивать. Всемогущество и всевластіе по праву не равняется всемогуществу и всевластію на дѣлѣ. Если бы Учредительное Собраніе пожелало на второй день своего созыва постановить, чтобы русскій народъ сталъ сразу богатымъ, чтобы онъ въ одинъ мигъ получилъ образованіе, чтобы на русской десятинѣ получалось не 45 пудовъ пшеницы или ржи въ среднемъ, а 125, какъ въ среднемъ получаетъ Германія на такихъ же земляхъ, то, очевидно, изъ этихъ приказовъ ничего бы не вышло. Учредительное Собраніе только средство улучшить или ухудшить положеніе, хозяиномъ

котораго останется въ конечномъ счетѣ все тотъ же русскій народъ, крестьянинъ на его полѣ, учитель въ школѣ, торговецъ въ его конторѣ или лавкѣ, кооператоръ на засѣданіи своего товарищества, докторъ въ своей больницѣ. Но Учредительное Собраніе, если и не будетъ дѣлать чудесъ, все же можетъ самымъ могущественнымъ образомъ помогать или мѣшать народу въ его работѣ. Для этой работы нужна свобода, нужна справедливость и нуженъ порядокъ. И тому, и другому, и третьему Учредительное Собраніе можетъ оказать величайшую пользу или величайшій вредъ. Поэтому выборы въ Учредительное Собраніе не есть приглашеніе принять участіе въ совершеніи какого-то чуда, какого-то особаго политическаго таинства, а есть отвѣтственная задача, которая поставлена здравому смыслу русскаго народа: пусть онъ трезво и спокойно обдумаетъ дорогу, по которой должна идти его будущая власть, пусть онъ спокойно взвѣситъ, кто дастъ ему свободу, справедливость и порядокъ, ибо, если онъ поторопится, если вмѣсто служенія свободѣ, справедливости и порядку Учредительное Собраніе будетъ служить произволу, несправедливости и смутѣ, то вѣдь, некому будетъ расхлебывать кашу русской жизни, кромѣ какъ тому же русскому народу.

Взвѣсимъ же спокойно и дѣловито, куда направить подаваемыми нами голосами будущее Учредительное Собраніе, каковы его задачи и какими способами они могутъ быть осуществлены.

Передъ Россіей три крупнѣйшихъ дѣла, равныхъ которымъ въ русской исторіи, пожалуй, не ставилось за три послѣднихъ столѣтія, и множество другихъ дѣлъ, быть можетъ, нѣсколько и меньшаго, но все же первостепеннаго государственнаго значенія, и всѣ эти дѣла, со всей ихъ тяжестью и со всей ихъ сложностью, будутъ взвалены на ту единственную власть, которая въ Россіи 30 ноября останется, на Учредительное Собраніе, ибо, вѣдь, и временное правительство, надъ которымъ мы столько хлопотали и которое далось намъ съ такимъ трудомъ и всетаки похоже на пеструю складку, какъ вы знаете, обѣщалось въ своей присягѣ въ сенатѣ тотчасъ же уйти, какъ появится Учредительное Собраніе. И ни съ одной изъ задачъ нельзя повременить и ни одну изъ нихъ нельзя вычеркнуть. Ибо мы стоимъ въ такомъ положеніи, въ которомъ рѣдко бывалъ какой нибудь другой народъ: изъ-за войны у насъ нѣтъ государственной границы, и мы не знаемъ даже, гдѣ кончается наша страна и гдѣ начинается страна сосѣда; изъ-за революціи у насъ нѣтъ прочной и постоянной государственной власти, и мы ждемъ, чтобы ея основанія намѣтило Учредительное Собраніе; изъ-за войны и революціи, вмѣстѣ взятыхъ, у насъ нѣтъ никакого народно-хозяйственнаго порядка, и каждый изъ насъ по настоящему не знаетъ, что ему принадлежитъ и что принадлежитъ его сосѣду, что сегодня можно купить за рубль, а завтра продать за три рубля, можно ли будетъ одному за много рублей получить немного хлѣба, и не

придется ли другому за много хлѣба получить мало рублей. Все расползлось по швамъ, что прежде казалось крѣпко сшитымъ. Все снизу доверху придется шить вновь, по новому образцу, и шить лучше прежняго, чтобы опять все не расползлось, и новая Россія не оказалась жалкимъ отрепьемъ прикрывающей свою природную наготу. И нельзя зашивать гдѣ нибудь въ одномъ мѣстѣ, ибо сейчасъ ничего нѣтъ, а надо заразъ, во что бы то ни стало, добиться, чтобы у насъ были какъ слѣдуетъ государственная граница, какъ слѣдуетъ государственный порядокъ, какъ слѣдуетъ народное хозяйство.

Первая задача — кончить войну. Вы знаете, сколько споровъ у насъ шло вокругъ этого вопроса, сколько борьбы и взаимнаго недовѣрія онъ породилъ и еще порождаетъ. Оно и понятно: война на четвертомъ году перестала быть для насъ тѣмъ, чѣмъ она казалась вначалѣ; если раньше было увлеченіе ею,—а это увлеченіе было во всѣхъ странахъ, а утверждать заднимъ числомъ, что его искусственно создали у насъ англійскіе капиталисты, а въ Англіи русскій царизмъ, и что никто нигдѣ этого ловкаго надувательства не замѣтилъ, могутъ только дѣти,—то теперь о такомъ увлеченіи рѣчи быть не можетъ. Война—суровая дѣйствительность, огромная тягота, которую человѣчество несетъ на себѣ, сгибаясь подъ этой ношей. Войну надо кончить, но что значитъ кончить войну? Кончить войну значитъ заключить миръ, а заключить миръ значитъ опредѣлить условія, въ ко-

торыхъ Россія и всѣ другія государства будутъ жить послѣ войны. Можно ли, даже въ минуту самыхъ горькихъ разочарованій и самого полнаго отчаянія, сказать: „дайте миръ, каковъ бы онъ ни былъ, я напередъ принимаю всѣ его условія, и о нихъ не спрашиваю,—только бы уйти отъ войны". Сказать такъ можно только въ состояніи полнаго помутненія государственнаго чувства. Но тогда не претендуйте рѣшать другія государственныя задачи, а сложите весь вашъ политическій арсеналъ и скажите, что нѣтъ вообще государства, нѣтъ Учредительнаго Собранія, нѣтъ политическихъ партій, нѣтъ возможнаго устроенія жизни, а есть только безформенная масса людей, подчиняющихся слѣпымъ инстинктамъ,—что весь русскій народъ, точно бѣглецы изъ-подъ Калуща на юго-западномъ фронтѣ, есть просто человѣческое стадо, куда-то двигающееся и по дорогѣ совершающее безсмысленныя преступленія. Но кто признаётъ государство и государственное устроеніе жизни, тотъ не въ правѣ сказать: „дайте какой угодно миръ, только бы миръ". Къ чести всѣхъ, кто боролся вокругъ вопроса о мирѣ, надо сказать, что, кромѣ всѣмъ намъ извѣстныхъ дѣятелей, стоящихъ гдѣ-то на путяхъ не то безпросвѣтной утопій, не то подлаго предательства, никто не посмѣлъ сказать: „дайте какой угодно миръ, только миръ". Всѣ опредѣляли этотъ миръ по существу. Одни говорили „миръ безъ аннексій и контрибуцій, на основѣ самоопредѣленія народовъ"; другіе утверждали, что надо

сохранить оффиціально принятую союзными правительствами еще до русскаго переворота программу мира. Значитъ, для обоихъ лагерей есть миръ пріемлемый и миръ непріемлемый; значитъ, обѣ формулы суть формулы государственныя. И изъ обѣихъ дѣлается дѣйствительно государственный выводъ: разъ ни того, ни другого мира пока получить нельзя, то надо воевать, надо нести тяготу войны, какъ бы сурова она ни была, стремясь лишь всемѣрно ее облегчать. Разница двухъ программъ по существу въ томъ, что, по утвержденію однихъ, на первомъ пути дорога къ миру короче, а по утвержденію другихъ на немъ она нисколько не короче, чѣмъ на второмъ, но въ то же время невыгодна для русскаго государства. Спрашивается, чье мнѣніе правильно.

Со времени государственнаго переворота мы много писали и много говорили по вопросу о нашей мирной программѣ; недавно изъ за нашихъ казенныхъ писаній ушелъ одинъ англійскій министръ, а на его мѣсто сѣлъ другой; оффиціальные дипломаты и дипломаты-добровольцы на разные лады повторяли разныя формулы въ разныхъ изложеніяхъ; но я едва ли ошибусь, если скажу, что, несмотря на всѣ писанія и всѣ разговоры, мы стоимъ на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ стояли, когда начали наши писанія и наши разговоры, и я добавлю—слава Богу. Мы сохранили свободу рѣшеній за Учредительнымъ Собраніемъ и за тѣмъ правительствомъ, которое оно создастъ. Я потому радуюсь этой

свободѣ, что обѣ формулы мира—и формулу, унаслѣдованную отъ стараго правительства, и формулу „безъ аннексій и контрибуцій"—надо еще зрѣло обдумать и, разъ миръ по обѣимъ еще далекъ и время есть, надо дать жизни внутреннее ихъ достоинство окончательно провѣрить.

Въ области внѣшней политики нѣтъ вѣчныхъ истинъ и безспорныхъ рецептовъ, есть только лучшее и худшее, достижимое при данныхъ средствахъ и недостижимое. Сейчасъ, когда мы ведемъ войну и стремимся ее вести какъ можно лучше,—ибо разъ надо воевать, то нельзя бояться воевать какъ слѣдуетъ,—но когда результаты нашихъ усилій остаются еще невыясненными, сказать, что мы кончимъ войну на опредѣленной точкѣ, заранѣе безусловно точно вымѣренной, значитъ не понимать природы и смысла внѣшней политики, какъ исканія достижимаго и наилучшаго во всякихъ данныхъ условіяхъ. Позвольте совершенно конкретный примѣръ: допустимъ на минуту, что Россіи выгодно поставить подъ свой контроль черноморскіе проливы—пока объ этомъ по существу я не спорю, и вернусь къ вопросу нѣсколько позднѣе; допустимъ далѣе, какъ и есть на самомъ дѣлѣ, что по реальнымъ условіямъ, измѣнить которыя не въ нашей власти, миръ для насъ не возможенъ до тѣхъ поръ, пока Эльзасъ не будетъ уступленъ Франціи и что этотъ послѣдній результатъ будетъ, конечно, достигнутъ только тогда, когда сила Германіи окажется сломленной. Но вѣдь тогда будетъ достижимо и установленіе контроля

Россіи надъ проливами. Напротивъ того, если бы невозможность для союзниковъ воевать до завоеванія Эльзаса была безспорно выяснена и если бы относительно этой территоріи приходилось, по недавнему рецепту папскаго мирнаго посланія, искать рѣшенія „въ духѣ справедливости", иными словами на основахъ взаимныхъ уступокъ, то, можетъ быть, чистая формула контроля Россіи надъ проливами была бы также неосуществимой. Въ обоихъ случаяхъ, благопріятномъ и неблагопріятномъ, выгоды контроля надъ проливами оставались бы одинаково безспорными; если въ первомъ случаѣ стремленіе установить этотъ контроль надо было бы считать реальной программой, то во второмъ оно стало бы мечтаніемъ, годнымъ болѣе для кабинетнаго мыслителя, чѣмъ для трезваго политика, разрѣшающаго жизненныя задачи. Но что сказать о томъ, кто, не зная будущихъ, отъ него и отъ его страны независящихъ, объективныхъ условій мирныхъ переговоровъ, заранѣе поспѣшитъ заявить, что отъ мысли о контролѣ надъ проливами Россія разъ навсегда отказывается, ибо она не подходитъ подъ его общую опять-таки чисто кабинетную, а не реально продуманную программу мира? Для политическаго дѣятеля одинаково плачевно ошибиться въ правильной оцѣнкѣ желательнаго и въ правильной оцѣнкѣ достижимаго: ибо достижимымъ опредѣляется желательное, а достижимое есть въ свою очередь учетъ желательнаго въ соотвѣтствіи съ имѣющимися налицо средствами въ каждую

данную минуту. У насъ есть средства, ибо мы ведемъ войну и не вести ее не можемъ; но размѣры этихъ средствъ не выяснены: значитъ не выяснены и размѣры достижимаго, а слѣдовательно и желательнаго для Россіи въ области ея внѣшнихъ задачъ.

Я считаю съ указанной точки зрѣнія одинаково ошибочными и одинаково негодными съ практической стороны тѣ обѣ точки зрѣнія на миръ, между которыми шелъ споръ: и „миръ безъ аннексій", и вѣру въ букву многочисленныхъ уговоровъ между нами и нашими союзниками, накопленныхъ за три года войны, въ букву такъ называемыхъ „тайныхъ договоровъ". Договоры эти давно уже стали явными, если не официально, то благодаря разоблаченіямъ въ печати всѣхъ странъ, и мы можемъ говорить о нихъ съ полною достовѣрностью.

Въ букву „тайныхъ договоровъ" я не могу безусловно вѣрить потому, что неосуществимость части ихъ уже сейчасъ я считаю совершенно достаточно выясненной. Я не хочу злоупотреблять вашимъ вниманіемъ и позвольте ограничиться примѣромъ. Вы помните, что не такъ давно германскій канцлеръ Михаэлисъ вызвалъ къ себѣ нѣмецкихъ журналистовъ и разсказалъ имъ, что происходило на одномъ изъ секретныхъ засѣданій французской палаты депутатовъ, какъ на немъ оглашено было содержаніе русско-французскаго договора о присоединеніи къ Франціи нѣмецкихъ земель на лѣвомъ берегу Рейна, и какъ это разоблаченіе было дурно встрѣчено;

если сопоставить этотъ разсказъ канцлера съ появившимися вслѣдъ за нимъ въ Россіи и во Франціи опроверженіями, то выясняется слѣдующая картина. Въ началѣ этого года въ Петроградѣ происходила междусоюзническая конференція; на этой конференціи главнымъ французскимъ представителемъ былъ министръ Думергъ, а Россію представлялъ Н. Н. Покровскій, министръ иностранныхъ дѣлъ безславно растаивщаго въ день государственнаго переворота совѣта министровъ, во главѣ котораго стоялъ нѣкій, нынѣ начисто забытый, князь Н. Д. Голицынъ. Н. Н. Покровскій, имя котораго осталось незапятнатымъ, но который, будучи хорошимъ техникомъ финансоваго дѣла, только-что началъ свое обученіе дѣламъ дипломатическимъ, подписалъ на этой конференціи съ г. Думергомъ договоръ, по которому цѣлью войны признавалось, между прочимъ, отторженіе отъ Германіи усиліями союзниковъ той части ея территоріи, которая лежитъ на лѣвомъ берегу Рейна, т. е. не только Эльзаса и Лотарингіи, но и ряда коренныхъ нѣмецкихъ земель, съ многомилліоннымъ чисто германскимъ населеніемъ, и образованіе какого-то пограничнаго между Франціей и Германіей государства-буффера, нѣмецкаго по племени, но, повидимому, подъ французскимъ контролемъ. Надо полагать, что за эту уступку западной части шкуры не убитаго германскаго медвѣдя Россіи въ той или иной формѣ обѣщалась уступка какихъ нибудь восточныхъ клочковъ той же шкуры. Весьма вѣроятно, Н. Н.

Покровскій думалъ, что его договоръ съ г. Думергомъ цѣлесообразенъ и патріотиченъ, но позвольте мнѣ думать, что едва ли это полученное нами отъ стараго режима наслѣдіе представляетъ чудо здраваго политическаго смысла: въ февралѣ 1917 г. трезвая международная политика не могла ставить на очередь вопроса объ образованіи вестфальскаго государства-буффера. И позвольте мнѣ и сейчасъ не вѣрить въ букву этого трактата. Мы не можемъ ставить заключеніе мира въ зависимость отъ того, будетъ или нѣтъ создано государство-буфферъ Думерга-Покровскаго, и въ нашу государственную программу оно входить не должно.

Если припомнить рядъ другихъ соглашеній между союзниками, то въ нихъ окажется много иныхъ, достаточно фантастическихъ политическихъ плановъ. Вы читали недавно о томъ, что столицу Румыніи, можетъ быть, придется перенести въ губернскій городъ Херсонь; мы оплакиваемъ трагическую судьбу Румыніи, но все же не можемъ не признать, что при такой печальной дѣйствительности старое обѣщаніе союзниковъ присоединить къ Румыніи по мирному договору чуть ли не добрую половину Венгріи и часть Австріи не есть реальная для Россіи политическая программа. Но довольно примѣровъ. Я спрашиваю себя, что слѣдуетъ изъ указанной невозможности сохранить вѣру въ букву старыхъ союзныхъ соглашеній. Наше правительство нашло, оно думаетъ, нѣкоторый выходъ изъ положенія, но полагаю, этотъ правительственный планъ, ко-

торый сводится къ созыву союзнической конференціи для пересмотра цѣлей войны, такъ же плачевенъ, какъ и тѣ неудобства, которыя конференціей предлагается исцѣлить. Скажу больше. Правительственная программа сопряжена съ новыми,—быть можетъ, горьшими,—испытаніями для русскихъ государственныхъ интересовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ сдѣлать конференція для пересмотра цѣлей войны въ настоящее время. Союзники соберутся и спросятъ другъ друга, отъ чего каждый изъ нихъ отказывается; намъ, какъ иниціаторамъ, придется, торопясь, заявить, что мы не хотимъ Константинополя и проливовъ, которые намъ обѣщаны союзнымъ соглашеніемъ отъ февраля 1916 г.; затѣмъ мы предоставимъ слово для другихъ отказовъ; мы заранѣе знаемъ, какихъ отказовъ не послѣдуетъ; Франція уже послѣ всѣхъ разговоровъ о мирѣ безъ аннексій категорически, рѣшеніемъ всего парламента, заявила, что не помирится безъ Эльзаса; а не такъ давно Бальфуръ въ палатѣ общинъ подтвердилъ, что безъ этого присоединенія не помирится и Англія; какой же резонъ будетъ для румынъ послѣдовать нашему примѣру и впередъ отъ всего отречься, а не идти за Франціей и ни отъ чего заранѣе не отказываться, разъ все равно война продолжается и разъ все равно, связанные словомъ, мы не можемъ, не вступая на самый опасный,—ибо для насъ самый невыгодный,—путь „сепаратнаго мира“, угрожать, что одни уйдемъ съ полей сраженія.

Но, какъ быть, разъ конференція для пересмотра цѣлей войны нелѣпа и для насъ невыгодна, а въ то же время эти цѣли построены старымъ правительствомъ съ нѣкоторымъ политическимъ пересоломъ? Выходъ совершенно ясенъ, и онъ уже указанъ жизнью какъ разъ по поводу того государства-буффера на нижненѣмецкомъ Рейнѣ, о которомъ я говорилъ. Пройдя горнило французскаго парламента, послѣ страстныхъ дебатовъ, безъ всякаго нашего участія, безъ всякихъ треній, безъ громоздкаго аппарата конференціи, на которой всѣ только разссорились бы, договоръ Думерга-Покровскаго преобразовался и очистился. Позвольте прочесть вамъ выдержку изъ правительственнаго сообщенія, которое было сдѣлано послѣ „разоблаченій" канцлера Михаэлиса въ русской печати и которая хорошо описываетъ процессъ этого очищенія: „Каковы бы ни были старые договоры, они относятся къ области прошлаго. Для настоящаго же времени платформой внѣшней политики Франціи является формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, принятая и палатой, и сенатомъ въ тѣхъ засѣданіяхъ, о которыхъ разсказывалъ Михаэлисъ. Согласно этой формулѣ, единственнымъ спорнымъ пунктомъ является вопросъ объ Эльзасъ-Лотарингіи. Всѣ же завоевательныя цѣли, о которыхъ разсказывалъ Михаэлисъ, не нашли ни малѣйшаго отраженія въ этой формулѣ"... (21 іюля 1917 г.).

Такъ поступаютъ трезвые и расчетливые политики: не гонясь за словесными, многообѣща-

ющими, но мало значащими отвлеченными положеніями, они соразмѣряютъ дѣйствительныя цѣли съ дѣйствительными средствами, отметаютъ преходящее, но цѣпко держатся за основное. Такова должна быть и наша внѣшняя политика.

„Миръ безъ аннексій" не есть въ эту минуту реальная программа для Россіи: она не имѣетъ въ жизни никакой точки опоры какъ потому, что отъ аннексій не отказываются наши союзники, такъ и потому, что отъ нихъ (и за нашъ счетъ) не отказываются наши враги. О нашихъ союзникахъ я уже говорилъ, и, конечно, легкомысленно думать, будто краснорѣчіе странствующихъ по Европѣ членовъ всероссійскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ можетъ сбить съ толку два великихъ народа Франціи и Англіи, особенно, если напослѣдокъ отъ этихъ странствующихъ делегатовъ отреклось— позвольте добавить, въ интересахъ справедливости, отреклось довольно коварно—когда-то столько съ ними возившееся временное правительство. О нашихъ врагахъ и ихъ программѣ мы знаемъ отъ другого странствующаго дѣятеля европейскаго соціализма, которому тоже не повезло,—отъ Роберта Гримма: вы припомните, что переданныя имъ условія германскаго мира съ Россіей суть: присоединеніе — прямое или скрытое—къ Германіи Литвы и Курляндіи, не говоря о Польшѣ, а вдобавокъ еще и финансово-экономическое завладѣніе всей остальной Россіей. А разъ „миръ безъ аннексій" представляетъ

собою досужую фантазію, то нѣтъ ровно никакихъ основаній сейчасъ отрекаться отъ зрѣло задуманныхъ положительныхъ цѣлей войны. Отметая все незрѣлое, мы тѣмъ крѣпче должны держаться за зрѣлое.

Въ числѣ правильно намѣченныхъ цѣлей войны, сохраняющихъ для насъ бузусловное значеніе и безусловную цѣнность, цѣлей, за которыя должно постоять Учредительное Собраніе и его правительство, я отношу, кромѣ сохраненія нашего территоріальнаго достоянія, въ первую голову двѣ: обезпеченіе свободы Чернаго моря и сохраненіе въ будущемъ нашего свободнаго экономическаго самоопредѣленія. Два слова о каждой изъ нихъ отдѣльно. Когда говорятъ о проливахъ, мерещится всегда Крестъ на Св. Софіи. Это лишь одинъ изъ путей разрѣшенія коренного вопроса о свободѣ Чернаго моря, можетъ быть, лучшій, а, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и невыгодный. Дѣло не въ присоединеніи Константинополя, а въ томъ, чтобы мы могли дѣйствительною силою, на дѣлѣ, а не на бумагѣ, контролировать входъ и выходъ Чернаго моря, чтобы мы могли всегда знать, что наши сообщенія черезъ проливы не прекратятся и что въ то же время съ военной точки зрѣнія никакой „Гебенъ“ и „Бреславу“ никогда больше не появятся у нашихъ береговъ. Рѣчь идетъ, не болѣе или не менѣе, какъ о судьбѣ всего нашего юга, и думать, что вопросъ о проливахъ выдуманъ „имперіалистами“—просто свидѣтельство незнанія географической карты Россіи.

Близка по существу къ нашей южной цѣли и вторая коренная задача нашей внѣшней политики, связанная съ завоеваніемъ нашей экономической независимости послѣ войны. У Роберта Гримма мы прочли, что Германія твердо расчитываетъ по мирному договору сдѣлать изъ Россіи свою экономическую колонію. И до войны наша экономическая зависимость отъ Германіи была велика и росла не по днямъ, а по часамъ. Русско-германскій торговый договоръ 1904 г. представлялъ собою одну изъ самыхъ печальныхъ страницъ плачевнаго минувшаго царствованія. Теперь готовится еще горьшее. Между тѣмъ мы во что бы то ни стало должны богатѣть сами, а не на нашей бѣдности помогать Германіи возмѣщать себѣ свои военныя расходы. Наше сырье будетъ во всякомъ случаѣ имѣть послѣ войны колоссальный, невиданный сбытъ—такъ великъ голодъ всего міра,—но намъ надо развивать промышленность, самимъ обрабатывать наше сырье, думать о томъ, чтобы не было болѣе „лапотной" Россіи, а была Россія въ экономическомъ отношеніи оборудованная такъ, какъ оборудованы другія цивилизованныя страны, чтобы у насъ была живая и могущественная промышленность. Тогда у насъ будетъ и культура, ибо отъ бѣдности всѣ несчастья. Даже соціалисты у насъ сейчасъ немного кустарны; пусть ихъ будетъ больше, но пусть они представляютъ и у насъ ту великую культурную силу, что представляютъ ихъ западные товарищи.

Чтобы хорошо и умѣло служить этимъ цѣлямъ, чтобы какъ слѣдуетъ заключить миръ, не миръ каковъ бы онъ ни былъ, а миръ государственно задуманный и здраво осуществленный, надо имѣть хорошее правительство. Такъ первая задача Учредительнаго Собранія—хорошій миръ держится за вторую задачу—хорошую конституцію.

Я не буду излагать вамъ, конечно, подробную программу того, какъ надо, по моему мнѣнію, устроить русское государство. Вы знаете, что образцовъ множество, и можно объ этихъ образцахъ говорить цѣлый вѣкъ. Позвольте подѣлиться съ вами однимъ размышленіемъ, на которое меня наводятъ долгіе годы спеціальнаго изученія русскаго и западнаго конституціоннаго права. Конечно, нѣтъ ни одного государственнаго строя, который былъ бы похожъ на другой, и подъ однимъ и тѣмъ же именемъ въ разныхъ странахъ скрыты въ сущности глубоко различныя учрежденія: президентъ республики, отвѣтственное министерство, законодательный порядокъ, указная власть, сама конституція,—все это складывается въ каждой отдѣльной странѣ своеобразно. И тѣмъ не менѣе всѣ эти различія въ приложеніи представляютъ собою только самостоятельное осуществленіе каждымъ народомъ нѣкоторой, какъ бы для всѣхъ обязательной, испытанной жизнью, созданной столѣтіями усилій ряда странъ и поколѣній, политической программы. Изъ этого общаго источника можно черпать безъ всякаго риска, съ

полною увѣренностью, что государственная машина, построенная по классическимъ образцамъ, пойдетъ, а не застрянетъ въ первомъ ухабѣ, не сломается на первомъ подъемѣ или на первомъ спускѣ. Мы отдѣлаемъ потомъ подробности машины по нашимъ собственнымъ требованіямъ, и она станетъ своеобразной русской государственной машиной, но, по крайней мѣрѣ, ея основныя части будутъ крѣпки и правильны. Къ этому основному механизму я причисляю слѣдующія части: глава государства, политически неотвѣтственный передъ парламентомъ, отвѣтственное передъ парламентомъ министерство, отдѣленіе законодательства и управленія, судебную охрану публичныхъ правъ. Если мы все это заимствуемъ изъ общей сокровищницы человѣчества, то мы обезпечены отъ всякихъ неожиданностей. Въ Россіи много политическихъ партій, склонныхъ свысока относиться къ этому классическому конституціонализму, мечтающихъ одни (соціалъ-демократическая партія) о сосредоточеніи всей власти, не только законодательной, но и власти управленія въ самомъ парламентѣ, другіе (соціалисты-революціонеры)—о раздѣленіи Россіи между національностями на федеративныхъ началахъ. Зачѣмъ искать неиспытаннаго и непровѣреннаго тамъ, гдѣ подъ рукою испытанное и провѣренное, притомъ испытанное и провѣренное великими демократіями запада, раньше насъ начавшими жить, раньше насъ, иногда нѣсколькими столѣтіями раньше, продѣлавшими пути, на который мы только что

вступили и по которому пока слѣдуемъ уже не Богъ знаетъ съ какимъ блескомъ? Мы не знаемъ еще, можно ли управлять черезъ парламентскія комиссіи, а очень хорошо знаемъ, что наши друзья и союзники на западѣ отлично справляются съ управленіемъ черезъ неотвѣтственнаго президента и отвѣтственное министерство. А федерація національностей въ Россіи при ихъ безконечной чрезполосицѣ и безконечномъ численномъ неравенствѣ дастъ въ Россіи такой государственный порядокъ, въ которомъ мы сами никогда не разберемся и который будетъ узаконеніемъ полнаго хаоса. Права національностей должны уважаться, и есть много средствъ ихъ охраны, кромѣ раздѣла Россіи на національныя лоскутки, которыхъ у насъ къ тому же нельзя накроить, не отдавая одну народность побольше подъ власть другой народности поменьше, иначе говоря, не узаконяя по новому старый національный гнетъ и не порождая вновь распри національностей. Мнѣ пришлось въ качествѣ члена Юридическаго Совѣщанія при Временномъ Правительствѣ вести переговоры сначала съ финляндцами, а потомъ съ украинцами, и я вспоминаю эти переговоры съ истиннымъ ужасомъ: такъ тягостна эта торговля изъ-за мелочного раздѣла власти между цѣлымъ государствомъ и его отдѣльными частями, сколько усилій уходитъ на безплодныя тренія вмѣсто осуществленія одинаково нужныхъ и цѣлому, и частямъ положительныхъ задачъ. Превращеніе всей Россійской государственности въ систему

безконечной и безплодной торговли между центромъ и окрайнами изъ-за раздѣла власти— таковъ будетъ неизбѣжный результатъ русскаго федерализма. Въ то время, какъ намъ надо будетъ, не покладая рукъ, творить работу положительную по созданію новой промышленно и хозяйственно развитой Россіи, мы вынуждены будемъ возиться надъ вопросомъ о томъ, кому еще будетъ причитаться эту работу произвести. Господа, я не поклонникъ аграрной программы партіи соціалистовъ-революціонеровъ, для которыхъ земля Божья и ее надо безъ конца поровну дѣлить между трудящимися. Но я не могу понять, какъ можно защищать эту программу безконечно широкой земельной реформы и въ то же время защищать русскій федерализмъ, раздѣлъ Россіи по національностямъ. Стоило выставить эту аграрную программу, какъ родилась, чтобы отъ нея отмежеваться, Украйна съ ея радой, и пришлось сказать, что земельный вопросъ Украйна можетъ рѣшить по своему; земельной программы соціалистовъ-революціонеровъ, оказывается, уже нельзя осуществить на территоріи то-ли пяти, то-ли десяти самыхъ богатыхъ русскихъ губерній. Я не оплакиваю этого результата, потому что не вѣрю въ цѣлесообразность программы соціалистовъ-революціонеровъ; но какъ же мириться съ нимъ защитникамъ этой программы, если они въ нее дѣйствительно вѣрятъ, а не просто обѣщаютъ все всѣмъ, хотя бы эти обѣщанія взаимно другъ друга уничтожали?

Итакъ, не федерализмъ, не управленія черезъ комитеты парламента, а испытанная система отвѣтственнаго министерства, съ президентомъ во главѣ русскаго государства. Я говорю совершенно опредѣленно и совершенно категорически о президентѣ, а не о монархѣ, и не потому только, что я такого монарха для Россіи не знаю, а главнымъ образомъ потому, что возстановленіе монархіи было бы для Россіи новымъ потрясеніемъ, а у насъ и безъ того этихъ потрясеній было достаточно. Чуда царская власть въ Россіи не сдѣлаетъ, она не исправитъ всѣхъ нашихъ бѣдствій и золъ, а вмѣсто чуда, котораго, можетъ быть, отъ нея нѣкоторые ждутъ, она только подыметъ новую смуту, когда старая, къ несчастью, далеко не успокоилась.

Я думаю, что эта работа по созданію правильнаго устройства русскаго государства никакъ не менѣе важна, чѣмъ все остальное, чѣмъ придется заняться Учредительному Собранію. О ней мы какъ-то сейчасъ мало думаетъ: ее заслоняютъ отъ насъ другія заботы, заботы о разрѣшеніи вопросовъ хозяйственной жизни, вопросы о землѣ, фабрикѣ, продовольствіи, деньгахъ. Но не забудьте, что всѣ эти насъ поглощающіе вопросы, по нашему убѣжденію, въ концѣ концовъ должно рѣшать опять-таки государство, а чтобы оно правильно ихъ рѣшало, надо, чтобы поскорѣе у насъ сложилось правильное управленіе, чтобы законы писались толково и всѣми исполнялись, чтобы на мѣстахъ была власть,

которую слушались, чтобы было поменьше всякаго рода самозванцевъ, выдающихъ себя за власть, а всѣхъ остальныхъ за „контръ-революцію".

Если у насъ будетъ власть и будетъ порядокъ, то, я увѣренъ, всѣ хозяйственные вопросы, которые намъ кажутся почти неразрѣшимыми, постепенно разрѣшены будутъ. Конечно, созданіемъ правильной власти дѣло не исчерпывается, конечно, придется и съ властью надъ многимъ много подумать, но все же, правильно устроивъ государство и возстановивъ авторитетъ государственнаго строя въ его обновленномъ видѣ, мы незамѣтно сдѣлаемъ половину дѣла хозяйственнаго устроенія.

Но останется другая половина, останется выясненіе существа необходимаго переустройства хозяйственныхъ отношеній. Дѣло это не такъ сложно въ отношеніи русской промышленности: послѣ нѣкоторыхъ шатаній, кажется, даже правительство у насъ поняло,—а это, по нынѣшнимъ временамъ, довольно много,—что надо такъ рѣшать судьбу рабочихъ, занятыхъ въ русской промышленности, чтобы оставалась живою сама промышленность, хотя бы только потому, что безъ промышленности не будетъ промышленныхъ рабочихъ и не о чемъ уже будетъ заботиться. Тутъ передъ нами огромный опытъ западныхъ странъ, и намъ надо только идти за ними, чтобы создать развитую промышленность и ея неизмѣннаго спутника—сильный и вліятельный рабочій классъ. Можетъ быть, мы еще

нѣкоторое время протопчемся на мѣстѣ, помечтаемъ о промышленности, въ которой капиталистъ будетъ давать капиталъ и не получать дохода, а рабочій будетъ получать плату и не производить работы, но соприкосновеніе съ суровою дѣйствительностью насъ неминуемо вернетъ къ тому, что существуетъ вездѣ и что европейскій соціализмъ давно уже объявилъ „желѣзнымъ закономъ исторіи", вернетъ къ необходимости и неизбѣжности капитализма для нашего хозяйственнаго развитія.

Гораздо труднѣе другой хозяйственный вопросъ—вопросъ о землѣ. Мы всѣ живемъ такъ близко отъ этого вопроса, что, вѣроятно, каждый изъ здѣсь присутствующихъ имѣетъ уже въ головѣ свое для него рѣшеніе. Я не хочу вамъ предлагать еще какого нибудь новаго способа его распутать, а только дѣлюсь нѣсколькими основными соображеніями. Имѣется два совершенно безспорныхъ обстоятельства, которыя надо только сопоставить, и тогда выводъ подсказывается самъ собою. Первое обстоятельство заключается въ томъ, что земли для крестьянъ чужой очень мало, по расчетамъ соціалистовъ-революціонеровъ, обѣщающихъ крестьянамъ эту чужую землю, едва хватитъ, чтобы довести площадь на каждый крестьянскій дворъ до 10 десятинъ, вмѣстѣ со старыми надѣльной и купчей. И это при томъ, что нарѣзки брать будутъ вездѣ, и волынскимъ крестьянамъ будутъ доставаться полоски въ Архангельской губерніи. Но вѣдь двигать крестьянъ можно,—даже если вообще

допустить, что ихъ можно всѣхъ начать гонять съ одного конца Россіи на другой,—во всякомъ случаѣ только съ сѣвера на югъ, а не съ юга на сѣверъ, ибо не только съ Волыни въ Архангельскъ, но и изъ Воронежа въ Рязань никого не заманить изъ-за 10 десятинъ земли на крестьянскій дворъ. А если такъ, то значитъ поравненіе будетъ не къ 10 десятинамъ, а къ меньшему, насколько меньшему не выяснено, но во всякомъ случаѣ къ гораздо меньшему. Второе обстоятельство: изъ за полученія этой малой нарѣзки придется, я уже сказалъ, двигать огромное множество крестьянскихъ семей по всему лицу земли русской. Государство устроитъ что-то въ родѣ того, что было въ 1915 г. съ бѣженцами; только на этотъ разъ крестьянъ нельзя будетъ гонять по дорогамъ, заставлять сидѣть безъ крова и пищи, позволять болѣть и умирать, а оставшихся въ живыхъ пристраивать въ концѣ концовъ къ чужимъ людямъ, а придется о нихъ заботиться и тратить множество казенныхъ денегъ, т. е. тѣхъ же крестьянскихъ денегъ, содержать на нихъ множество переселенческаго начальства, строить множество дворовъ, рыть колодцы, покупать или перевозить скотъ и орудія. Сопоставляя эти два обстоятельства я прихожу къ тому, что обѣщанное всеобщее надѣленіе землей для крестьянской массы сулитъ выгоды только бѣднѣйшимъ, имѣющимъ отъ 5 до 10 десятинъ на дворъ, а всѣмъ остальнымъ обѣщаетъ вѣрный ущербъ. Но тѣмъ не менѣе на это надо пойти, чтобы облегчить положеніе

наиболѣе обездоленныхъ, и на это идутъ всѣ партіи, предлагающія отчудить въ пользу крестьянъ государственную и помѣщичью землю.

Но рекомендуютъ идти дальше и произвести полный передѣлъ всѣхъ земель, съ упраздненіемъ на землю права частной и надѣльной собственности навсегда и передачей ея во временное пользованіе всѣмъ въ равныхъ доляхъ. Измѣнятся-ли отъ этого конечные результаты реформы въ смыслѣ количества земли на каждаго бѣднаго крестьянина, получится ли больше 10 десятинъ на дворъ? Едва ли. Придутъ за землей тѣ, кто сейчасъ землей не занимаются, но о землѣ не забылъ, а кто въ Россіи о землѣ не помнитъ? Переселеніе будетъ уже не такое, какъ при первой реформѣ, а по истинѣ — великое: двинутъ всѣхъ, всѣхъ будутъ обмѣрять, заведутъ армію чиновниковъ, пахать никто не будетъ, а всѣ будутъ переѣзжать, и за весь этотъ грандіозный всероссійскій прогулъ будетъ платить тотъ-же крестьянинъ.

Но это еще не все, я готовъ сказать—даже не главное. Главное то,—и съ этимъ я не мирюсь,—что придется сгонять крестьянъ съ надѣльной и съ купчей земли. Вѣдь надѣлы не равны: для полосы среднечерноземной, куда входитъ и Рязанская губернія, напр., въ среднемъ 8,6 десятины на дворъ, для юго-запада (Кіевская, Подольская, Волынская) 5,5 десятины на дворъ. При поравненіи придется долю надѣльной земли рязанской отдать волынцамъ. И это земля, за которую платились выкупные

платежи, которую крестьяне купили. Не равна и купчая земля: въ двухъ деревняхъ рядомъ у однихъ по 15 десятинъ на дворъ, у другихъ по десяти, у третьихъ по пяти. Отдать придется и эту землю, и не съ тѣмъ, чтобы вмѣсто нея получить больше, а чтобы получить меньше.

Ради чего? Ради того, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ вернуться,—можетъ быть, подъ другимъ заглавіемъ,—снова къ собственности на землю, ибо кто работаетъ, тотъ оставляетъ на землѣ свой слѣдъ крѣпче купчей крѣпости и отнять у него эту землю второй разъ уже не придется.

Я надѣюсь, впрочемъ, что купчую крестьянскую землю отнять не придется и въ первый разъ. Крестьянинъ съ купленной землей разберется, кто покушается на завоеванную многолѣтними трудами землю, и не пошлетъ такихъ представителей въ Учредительное Собраніе. Такихъ собственниковъ не мало вездѣ, а цѣлыя огромныя полосы Россіи не знаютъ никакого другого землепользованія, какъ подворнаго, и ихъ превращеніе въ общинниковъ, да еще во всероссійскомъ масштабѣ, только временное недоразумѣніе.

На нашей обязанности, если мы любимъ народъ и радѣемъ о его благѣ, лежитъ не простое собираніе въ свою пользу крестьянскихъ голосовъ путемъ выставленія лозунговъ, подлинное значеніе которыхъ мы отъ народа скрываемъ и которые только поэтому звучатъ для него пріятно, а отстаиваніе его дѣйствительныхъ,

разумно продуманныхъ интересовъ. И въ этомъ вопросѣ, какъ и въ другихъ, я твердо увѣренъ, конечная побѣда будетъ одержана здравымъ смысломъ и здравымъ расчетомъ.

Я кончилъ, господа; я не пришелъ сюда, чтобы давать вамъ какія-нибудь рекомендаціи или хвалить какія-нибудь партіи. Я только хотѣлъ по совѣсти и по разумѣнію изложить вамъ, какъ въ моей головѣ складывается пониманіе задачъ Россіи въ той полосѣ ея исторической жизни, которая откроется Учредительнымъ Собраніемъ. Моя программа въ нѣсколькихъ словахъ такова: внѣшнее и внутреннее государственное устроеніе русскаго народа.

Цѣна 60 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
ПЕТРОГРАДЪ, К-ВО „ОГНИ"
7я РОТА, 26, Т. 252-56.
МОСКВА, К-ВО „ЗАДРУГА"
М. НИКИТСКАЯ, 29.